

ПРАВО НА ИГРУ

лёгкий женский роман на вечер

НАТАЛЬЯ СИЛА

ПРАВО НА ИГРУ

лёгкий женский роман на вечер

18+

18+

Наталья Сила

Право на игру

<https://litres.ru/74524324>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли начать сначала — не с отчаянием, а с интересом?

Вера — психолог, писательница и женщина, которая больше не хочет жить только за счет работы, силы и контроля. Ей хочется любви, в которой есть уважение, нежность, тело, юмор и игра.

После нескольких неудачных свиданий она встречает Сергея — спокойного, внимательного мужчину, который не давит, не торопит и умеет ждать. Рядом с ним Вера снова подумала о желании, легкости и вкусе настоящего счастья. Но чем живее становится их связь, тем сильнее видно, что Сергей не завершил свое прошлое.

Вере предстоит понять: можно ли любить мужчину и не спасать его? Можно ли скучать и всё равно идти дальше? Можно ли сохранить себя, если история не стала судьбой?

«Право на игру» — роман о зрелой любви, женской свободе и праве не умять себя ради мужчины.

О том, что игра — это не манипуляция и не роль, а способ снова стать живой.

И о том, что не всё идеально предназначено для продолжения, а лишь для того, чтобы вернуть женщину себе.

Содержание

Глава 1. Лето, в котором можно ничего не доказывать	6
Глава 2. Собеседование вместо свидания	15
Глава 3. Свидание или расследование	27
Глава 4. Мужчина, который не ломится	39
Глава 5. Балтика	49
Глава 6. Мужчина, который ждал	60
Глава 7. Ужин над городом	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Сила

Право на игру

Наталья Сила

Право на игру

роман

2026

Аннотация

Можно ли начать сначала — не с отчаянием, а с интересом?

Вера — психолог, писательница и женщина, которая больше не хочет жить только за счет работы, силы и контроля. Ей хочется любви, в которой есть уважение, нежность, тело, юмор и игра.

После нескольких неудачных свиданий она встречается Сергея — спокойного, внимательного мужчину, который не давит, не торопит и умеет ждать. Рядом с ним Вера снова подумала о желании, легкости и вкусе настоящего счастья. Но чем живее становится их связь, тем сильнее видно, что Сергей не завершил свое прошлое.

Вере предстоит понять: можно ли любить мужчину и не спасать его? Можно ли скучать и всё равно идти дальше? Можно ли сохранить себя, если история не стала судьбой?

«Право на игру» — роман о зрелой любви, женской сво-

боде, страхе «тебя не выбирают» и праве не умялять себя ради мужчины.

О том, что игра — это не манипуляция и не роль, а способ снова стать живой.

И о том, что не всё идеально предназначено для продолжения. Иногда оно приходит, чтобы вернуть женщину себе.

Глава 1. Лето, в котором можно ничего не доказывать

Вера была счастлива.

Не шумно.

Не демонстративно.

Не так, чтобы срочно купить новое платье, сделать селфи у окна и написать в соцсетях: “Я выбираю себя”.

Нет.

Её счастье было тише.

Оно жило в утреннем кофе, в открытом окне, в горячем воздухе, который уже в девять утра входил в квартиру без стука, в ощущении, что жизнь не закончилась и не сжалась до работы, клиентов, полезных дел, приличных платьев и вечного “надо”.

Жизнь стояла рядом.

Босая, загорелая, с бокалом холодного игристого в руке.

И терпеливо ждала, когда Вера наконец перестанет быть занятой.

Впереди был двухнедельный отпуск у моря с подругами.

До него — несколько свиданий, летняя Москва, закрытие рабочего проекта и странное новое чувство: Вера больше не собиралась пахать как проклятая.

Для неё это было почти революцией.

Женщина, которая всю сознательную жизнь сама себя обеспечивала, вытаскивала, собирала, лечила, обучала, развивала и держала за шкуру, вдруг решила попробовать другое.

Не достигать.

Не доказывать.

Не заслуживать право на отдых.

А просто жить.

Она стояла у окна, пила кофе и смотрела, как город уже нагрелся за ночь.

Лето было в самом разгаре.

Весну Вера любила за пробуждение. За первые листья. За осторожное возвращение жизни после зимы.

Но лето было другим.

Лето не обещало жизнь.

Оно и было жизнью.

Горячей, наглой, пахнувшей пылью, кожей, солнцем, открытыми плечами и женским “мне можно”.

Вера закрывала рабочий проект, отпускала клиентов на летний период и впервые за долгое время не строила план спасения мира, бизнеса, женщин, семей и чужих самооценок.

У неё были деньги на беззаботное лето.

Не на роскошь.

На свободу.

А это разные вещи.

Роскошь можно показать.

Свободу можно только почувствовать.

Она посчитала расходы, закрыла ноутбук и сказала вслух:

— На лето хватит. А дальше разберёмся.

Ей понравилось это “разберёмся”.

В нём не было паники.

Была взрослая уверенность женщины, которая не боится труда, но больше не хочет делать труд единственным доказательством своей ценности.

Вера больше не хотела быть женщиной-пахарем.

Пахарь — роль полезная.

Надёжная.

Уважаемая.

Только с богиней любви она сочеталась плохо.

А Вера, как ни странно, собиралась именно туда.

В любовь.

Не в романтическую суету.

Не в случайную переписку.

Не в зависимость от мужского взгляда.

А в настоящие отношения.

Эта мысль всё ещё звучала непривычно.

“Я хочу построить отношения”.

Не “когда-нибудь встречу”.

Не “если судьба даст”.

Не “ну посмотрим, что будет”.

Не “мне и одной хорошо”, сказанное таким голосом, будто

эту одну уже давно надо спасать.

А именно:

хочу.

построить.

отношения.

Вера даже записала это в блокнот, чтобы не передумать и не спрятаться за привычным сарказмом.

“Я хочу встретить мужчину.

Я хочу любить.

Я хочу быть любимой.

Я хочу совместную жизнь, в которой есть уважение, нежность, тело, юмор и игра”.

Последнее слово она подчеркнула.

Игра.

Вера слишком хорошо знала, как легко это слово портят.

Одни считают игру манипуляцией.

Другие — несерьёзностью.

Третьи — способом обмануть, получить власть, спрятаться от честного разговора.

Но настоящая игра была совсем другим.

Она вспоминала детей, с которыми когда-то работала.

Мальчик надевал старую простыню, завязывал её на шее и становился супергероем.

Он не врал.

Он в этот момент правда был смелым.

Девочка ставила на голову пластмассовую корону и гово-

рила:

— Я королева.

И это не было обманом.

Она пробовала вкус достоинства.

Расплавляла плечи.

Поднимала подбородок.

Чувствовала, как внутри появляется голос.

Другой мальчик строил корабль из стульев и покрывала.
Комната оставалась комнатой. Стулья — стульями. Покрывало — покрывалом.

Но глаза у него горели так, будто он действительно выходил в открытое море.

И, может быть, именно так человек впервые и учится смелости.

Не через объяснения.

Через игру.

В игре ребёнок не притворяется.

Он проживает.

Состояние.

Силу.

Риск.

Радость.

Победу.

Взрослые почему-то забывают об этом.

Они называют игрой ложь, а потом годами живут в самой настоящей лжи: улыбаются, когда больно; молчат, когда хо-

чется кричать; терпят, когда тело уже давно сказала “нет”; называют удобство зрелостью, а холод — стабильностью.

Нет.

Вера хотела другой зрелости.

Спокойной, но живой.

Надёжной, но не мёртвой.

Телесной, но не требующей изображать страсть по расписанию.

Серьёзной, но с правом на глупость, флирт, переодевание, роли, смех, неожиданные сообщения и поцелуи между бытовыми делами.

Она хотела мужчину, которому сможет сказать честно:

“Я умею работать.

Я умею зарабатывать.

Я умею выживать.

Но в любви я больше не хочу выживать.

Я хочу писать книги, танцевать, любить, жить и быть женщиной рядом с мужчиной”.

Мужчина, который не готов заботиться о своей женщине, был Вере не нужен.

Не потому что она искала кошелёк.

Деньги у неё были.

Не миллионы, но достаточно, чтобы не соглашаться на голод из романтических соображений.

Ей был нужен мужчина не скупой.

Ни на деньги.

Ни на тепло.

Ни на внимание.

Ни на присутствие.

Жадный мужчина всегда выдаёт себя не только в ресторане.

Он жаден в словах.

В прикосновениях.

В ответственности.

В радости женщины рядом с ним.

А Вера больше не собиралась убеждать мужчину, что счастливая женщина — это не статья расходов, а лучший климат в доме.

Она сделала ещё глоток кофе.

Квартира была наполнена утренним светом.

На стуле лежало светлое платье для первой встречи.

Не слишком нарядное.

Но такое, в котором женщина вспоминает, что у неё есть талия, шея, походка и право нравиться себе до того, как её оценит мужчина.

Вера посмотрела на платье и улыбнулась.

Раньше перед свиданиями она думала: понравлюсь ли?

Теперь вопрос звучал иначе:

а понравится ли мне?

Это было новое чувство.

Пугающее.

И очень взрослое.

Телефон коротко звякнул.

Письмо от Аллы Викторовны из брачного агентства.

“Вера, добрый день. На этой неделе можем предложить вам две встречи. Оба кандидата достойные, зрелые, с серьёзным намерением к браку”.

Вера усмехнулась.

Достойные кандидаты.

Серьёзное намерение к браку.

Звучало как кастинг в новую жизнь.

Она налила ещё кофе, села удобнее и открыла первую анкету.

На фотографии был мужчина пятидесяти двух лет.

Усталый.

Собранный.

С правильной биографией.

Вера посмотрела на его лицо и вдруг почувствовала лёгкое волнение.

Не от него.

От себя.

Она действительно начала.

Не мечтать.

Не ждать.

Не делать вид, что “как-нибудь само”.

А идти.

В любовь.

В отношения.

В неизвестность.

В собственную игру, где правила больше не будут написаны чужим почерком.

За окном шумела Москва.

Лето дышало в открытое окно горячо и уверенно.

Вера открыла блокнот и дописала под вчерашней фразой:

“Я не ищу мужчину, чтобы начать жить.

Я уже живу.

И если он появится — пусть войдёт в жизнь, а не вместо неё”.

Она перечитала.

Понравилось.

Потом поставила точку.

И впервые за долгое время эта точка не была концом.

Она была началом.

Глава 2. Собеседование вместо свидания

На фотографии Дмитрий выглядел достойно.

Именно так.

Не красиво.

Не интересно.

Не опасно.

Достойно.

Пятьдесят два года. Руководитель в строительном холдинге. Разведён. Взрослый сын. Своя квартира. Стабильный доход. Без несовершеннолетних детей. Серьёзные намерения.

Анкета была почти безупречной.

Вера давно знала: в зрелом возрасте безупречная анкета — это ещё не мужчина.

Это входные данные.

Как в объявлении о квартире: центр, хороший метраж, вид на парк.

А потом приезжаешь — и понимаешь, что жить там невозможно.

Она отправила фотографию Ольге.

Ольга была коллегой и умела по лицу считывать то, что люди годами прячут за костюмами, дипломами, подбородком и фразой “я адекватный”.

Ответ пришёл быстро:

“Контроль. Подозрительность. Сам себе на уме. Не злой, но закрытый. Смотри по ощущениям”.

Вера перечитала.

Смотри по ощущениям.

Именно этим она теперь и собиралась заниматься.

Не угадывать.

Не анализировать до костей.

Не искать признаки судьбы в том, что мужчина тоже любит кофе и разводился без скандалов.

А смотреть по ощущениям.

Свидание назначили в хорошем ресторане.

Слишком хорошем для первого знакомства.

Вера надела коричневое атласное платье, рубашку в тон и дорогие босоножки.

Образ получился мягкий и опасный одновременно.

Как шоколад с перцем.

Она вышла из такси у сквера и сразу поймала на себе мужской взгляд.

Потом ещё один.

Потом третий.

Мужчины смотрели так, как смотрят на женщину, которая не просто хорошо выглядит, а сама это знает.

Вера шла медленно.

Не для них.

Для себя.

Ей нравилась ткань на коже.

Нравился звук каблуков.

Нравилось ощущение шеи, спины, талии, лета и собственной зрелой красоты.

Ей даже показалось, что первое свидание в этот день она устроила не с мужчиной.

А с собой.

Дмитрий встретил её у входа.

Он был выше, чем на фото, аккуратно одет, с хорошими часами и выражением лица человека, который привык всё держать под контролем.

Даже первое впечатление.

— Вера?

— Дмитрий?

— Очень приятно.

Он пожал ей руку.

Не грубо.

Не холодно.

Но как-то делово.

Так иногда здороваются перед переговорами, где у всех есть повестка, регламент и право на уточняющие вопросы.

— Вы очень элегантны, — сказал он.

Комплимент был правильный.

Даже слишком.

— Спасибо.

Они поднялись на второй этаж.

Ресторан был красивый.

Без души, но красивый.

Белые скатерти, приглушённый свет, официанты, которые двигаются так тихо, будто в их трудовом договоре запрещено быть живыми.

Дмитрий помог ей сесть, предложил выбрать из меню, сам заказал салат и почти не притронулся к хлебу.

Разговор начался вежливо.

Москва.

Погода.

Отпуск.

Брачное агентство.

Работа.

Первые десять минут всё было нормально.

На одиннадцатой Вера поняла: она на собеседовании.

— Как давно вы живёте в Москве?

— Сколько лет у вас частная практика?

— Основной доход — консультации или обучение?

— Какой у вас график?

— Вы планируете расширять деятельность?

Вера улыбалась, отвечала и мысленно смотрела на себя со стороны.

Женщина в красивом платье.

Мужчина напротив.

Дорогой ресторан.

И ощущение, будто сейчас ей предложат рассказать о сво-

их сильных и слабых сторонах.

Когда Дмитрий спросил:

— Своя недвижимость у вас есть?

Вера медленно поставила чашку.

Вот оно.

Не то чтобы вопрос был преступлением.

Взрослые люди имеют право интересоваться реальностью друг друга.

Но есть вопросы, которые можно задать так, что в них будет забота о будущем.

А можно так, что женщина вдруг почувствует себя объектом *due diligence*.

Вера почувствовала второе.

— Дмитрий, — сказала она спокойно, — у меня ощущение, что я прохожу собеседование.

Он смутился.

Совсем немного.

— Простите. Профессиональная привычка.

— Понимаю.

Она действительно понимала.

И именно поэтому ей стало скучно.

Понимать — не значит хотеть продолжать.

Дмитрий начал рассказывать о работе.

О большой ответственности.

О команде.

О планировании.

О том, как важно в зрелом возрасте не терять время.

Вера слушала.

Мужчина был неплохой.

Даже, возможно, хороший.

Он никого не продавливал. Не жадничал. Не хамил. Не пытался понравиться любой ценой. Не смотрел на неё как на вещь.

Просто рядом с ним ничего не происходило.

Не в ресторане.

Внутри.

Тело молчало.

Не протестовало, как рядом с опасным человеком.

Не сжималось.

Не отступало.

Просто молчало.

Как театр, где включили свет, зрителей посадили, декорации стоят, актёры вышли — а спектакль не начался.

Вера посмотрела на свои руки.

На бокал воды.

На десерт Павлова, который оказался прекрасен и, честно говоря, выигрывал у свидания.

Она вдруг вспомнила детей, с которыми работала раньше.

У ребёнка, когда он входит в игру, меняется всё.

Глаза.

Голос.

Плечи.

Дыхание.

Он может быть пиратом, врачом, волшебником, кассиром в магазине, мамой куклы, водителем автобуса — и в нём появляется жизнь.

Даже если роль смешная.

Даже если корона из картона.

Даже если корабль из стульев.

А сейчас перед ней сидел мужчина с хорошей биографией, дорогими часами и взрослыми намерениями — и никакой игры между ними не рождалось.

Ни искры.

Ни любопытства.

Ни желания чуть-чуть рискнуть собой.

Только правильность.

А правильность без живости — это не зрелость.

Это аккуратно оформленная скука.

— Вы задумались, — сказал Дмитрий.

— Да.

— О чём?

Вера посмотрела на него.

Можно было сказать: “О том, что десерт прекрасен”.

Можно было сказать: “О работе”.

Можно было вежливо досидеть, поблагодарить, написать свахе нейтральное: “мужчина достойный, но не мой”.

Она так и сделает.

Но сначала решила быть честной хотя бы чуть-чуть.

— О том, что вы очень достойный мужчина, Дмитрий.
Он насторожился.

Люди быстро слышат, когда после комплимента приближается отказ.

— Но?

— Но между нами не случилось контакта.

Он выпрямился.

— За один вечер сложно понять.

— Согласна.

— Возможно, вы слишком быстро делаете выводы.

Вера улыбнулась.

— Возможно.

— Тогда почему?

Она не сразу ответила.

Потому что сказать “моё тело молчит” мужчине со строительным мышлением было бы, пожалуй, слишком смело для первого свидания.

И слишком бесполезно.

«— Потому что мне не хочется узнавать дальше», — сказала она мягко.

Дмитрий посмотрел на неё внимательно.

Не зло.

Скорее с удивлением.

Как человек, который привык, что при хороших исходных данных сделка должна хотя бы перейти ко второму этапу.

— Вы всегда так прямо говорите?

— Нет. Учусь.

Он кивнул.

Потом попросил счёт.

Без демонстративной обиды.

И это было ему в плюс.

На улице они попрощались у входа.

Дмитрий снова пожал ей руку.

Вежливо.

Ровно.

Окончательно.

Так пожимают руку деловому партнёру после встречи, на которой обе стороны поняли, что контракт не состоится.

— Желаю вам удачи, Вера.

— И вам.

Он ушёл к машине.

Вера осталась на тротуаре.

Вечер был тёплый.

Москва шумела, пахла асфальтом, духами, летними верандами и чьими-то надеждами.

Она открыла телефон и написала Алле Викторовне:

“Дмитрий — достойный мужчина. Но контакта не случилось. Продолжать не буду”.

Потом открыла заметки.

Пальцы сами набрали:

“Свидание может быть правильным и мёртвым одновременно.

Моё тело не обязано объяснять, почему нет.

Ему достаточно молчать”.

Вера перечитала.

Да.

Раньше она могла бы ругать себя.

Слишком придирчива.

Слишком тонко чувствует.

Слишком многого хочет.

Мужчина нормальный, чего тебе ещё?

Теперь она не хотела так с собой разговаривать.

Нормальный — это не значит мой.

Достойный — не значит живой рядом со мной.

Безопасный — не значит желанный.

Она пошла пешком до следующего перекрёстка.

Каблуки стучали по плитке уверенно и красиво.

Вера вдруг почувствовала лёгкость.

Не радость от свидания.

Радость от себя.

Она не стала уговаривать тело там, где оно молчало.

Не стала объяснять себе, что в пятьдесят надо быть разумнее.

Не стала хвататься за “хорошего кандидата”, как за последний поезд.

Поездов, как выяснилось, было больше.

А она больше не собиралась садиться в тот, куда не хочет ехать.

У светофора телефон снова звякнул.

Алла Викторовна ответила:

“Принято. Тогда предложу вам ещё одну кандидатуру. Сергей. Думаю, он может быть вам интересен”.

Вера остановилась.

Сергей.

Обычное имя.

Ничего особенного.

Она нажала на вложенную анкету.

Фотография открылась не сразу.

Интернет задумался, будто тоже хотел сделать паузу.

Потом на экране появился мужчина.

Мягкий взгляд.

Спокойное лицо.

Без попытки казаться моложе, жёстче, успешнее или загадочнее.

Вера посмотрела на фото.

И почему-то не стала сразу анализировать.

Просто задержалась.

На пару секунд дольше, чем обычно.

Потом убрала телефон в сумку и перешла дорогу на зелёный.

Москва шумела вокруг.

Лето продолжалось.

И Вера ещё не знала, что это обычное имя скоро станет для неё местом, где будет много тепла.

И много боли.

Но пока был только вечер.

Лёгкий ветер.

Каблуки.

И первое маленькое “нет”, которое почему-то ощущалось как шаг к настоящему “да”.

Глава 3. Свидание или расследование

Павел на фотографии выглядел увереннее Дмитрия.
Даже слишком.

Пятьдесят шесть лет. Разведён. Две взрослые дочери. Небольшой строительный бизнес. Хорошая физическая форма. Улыбка человека, который привык заходить в помещение так, будто оно уже немного его.

Алла Викторовна написала:

“Мужчина активный, серьёзный, семейно ориентированный. Ищет женщину для отношений и совместной жизни”.

Вера перечитала.

Семейно ориентированный.

Она уже знала: иногда за этой фразой стоит мужчина, который правда хочет семьи.

А иногда — мужчина, которому нужна женщина на должность домашнего климата, эмоционального обслуживания и красивого приложения к его зрелости.

Она отправила фото Ольге.

Ответ пришёл через полчаса:

“Властный. Доминирующий. Может продавить под видом заботы. Женскую самостоятельность будет терпеть, пока она не мешает его сценарию. Смотри внимательно”.

Вера положила телефон.

Вот здесь начиналось интересное.

Она могла бы отказаться.

И, возможно, это было бы разумно.

Но Вере хотелось проверить не Павла.

Себя.

Она слишком хорошо знала, как трудно отличить мужскую силу от привычки занимать всё пространство.

Особенно если когда-то тело путало напряжение с притяжением.

Встречу назначили в кафе рядом с её домом.

Это было удобно.

Вера уже не хотела ехать через пол-Москвы ради мужчины, с которым ещё неизвестно, захочется ли допить кофе.

Павел пришёл с цветами.

Белые хризантемы.

Большой букет.

Он вручил их так, будто держал не цветы, а доказательство собственной правильности.

— Это вам.

— Спасибо.

Цветы были красивые.

Жест — нет.

В нём было слишком много демонстрации: смотрите, я умею ухаживать, оцените.

Павел смотрел на неё жадно.

Не восхищённо.

Именно жадно.

Так смотрят не на женщину.

Так смотрят на вещь, которую уже мысленно примерили к своей жизни.

Вера улыбнулась.

Вежливо.

Внутри что-то насторожилось.

Они сели за столик.

Павел заказал капучино.

Только себе.

Потом посмотрел на неё:

— Вы тоже будете кофе?

Вера кивнула.

— Да. Капучино.

Она не была голодна, но отметила жест.

Не как бухгалтер.

Как женщина, которая умеет видеть щедрость не по сумме счёта, а по тому, насколько мужчина свободен дать пространство другому человеку.

Павел начал говорить об агентстве.

— Если честно, я не очень доволен. Полгода ищут, всё не то. Женщины то слишком требовательные, то слишком самостоятельные, то с какими-то своими сложностями.

Вера медленно поставила чашку.

Вот зацепка.

— А что именно не подходит в кандидатках?

Павел на секунду осёкся.

Понял, что сказал лишнее.

Потом быстро выровнялся:

— Да нет, ничего конкретного. Просто хочется нормального человека. Без драм.

Вера улыбнулась.

Слово “нормального” она тоже не любила.

Очень часто за ним прячется желание получить удобного.

— А что для вас драма?

— Ну... когда женщина всё усложняет.

— Например?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы как психолог спрашиваете?

— Как женщина, которой интересно, что мужчина считает усложнением.

Павел усмехнулся.

— Женщины любят копать.

— А мужчины?

— Мужчины проще.

Он сказал это с лёгким раздражением.

Как будто простота была мужским достоинством, а женская глубина — бытовым дефектом.

Вера почувствовала под рёбрами холодок.

Не страх.

Память.

Когда-то рядом с мужской раздражённостью она тоже начинала говорить аккуратнее.

Выбирать слова.

Сглаживать углы.

Предугадывать настроение до того, как оно испортится.

Это был старый навык.

Очень вредный.

И очень быстрый.

Павел продолжал говорить.

О бизнесе.

О стройках.

О женщинах, которые “после сорока вдруг слишком много о себе понимают”.

О том, что отношения должны быть проще.

О том, что мужчине нужна не вторая работа дома, а спокойствие.

— А женщине? — спросила Вера.

Он замолчал.

— Что женщине нужно рядом с мужчиной?

Павел усмехнулся.

— Ну, если мужчина нормальный, женщина обычно сама понимает, что ей повезло.

Вера посмотрела на него.

Вот и всё.

Иногда мужчина раскрывается не в грубости.

А в одной фразе.

Если рядом с ним женщина должна чувствовать, что ей “повезло”, это уже не отношения.

Это система благодарности.

Вера сделала глоток кофе.

Кофе был хороший.

Свидание — нет.

Павел вдруг наклонился ближе:

— Вы красивая женщина. Но чувствуется, непростая.

— А это недостаток?

— Для кого как.

— Для вас?

— Я люблю, когда женщина мягкая.

— Мягкая или удобная?

Его улыбка стала тоньше.

— Вы всё-таки любите провоцировать.

— Я люблю уточнять.

— Мужчины не любят, когда их допрашивают.

— А женщины не любят, когда забота похожа на инструктаж.

Павел откинулся на спинку стула.

Пауза повисла между ними.

Не опасная.

Показательная.

Он больше не пытался казаться лёгким.

В какой-то момент он спросил про отпуск.

Вера сказала, что скоро улетает к морю с подругами.

И тут же пожалела.

— Я могу отвезти вас в аэропорт, — быстро сказал Павел.

Слишком быстро.

— Спасибо, не нужно.

— Мне не сложно.

— Я уже всё организовала.

— Да ладно, я на машине. Зачем вам такси?

Вера посмотрела на него.

Вот она.

Тонкая граница.

Снаружи — забота.

Внутри — попытка продать.

— Павел, я сказала: не нужно.

Он улыбнулся.

Но лицо изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Достаточно.

Взгляд стал холоднее. Плечо дёрнулось. В улыбке появилась жёсткость, как трещина на глазури.

— Вы всё сама?

— Многое.

— Это видно.

Вера улыбнулась.

— Хорошо.

Он ожидал другого.

Оправдания.

Смягчения.

“Нет-нет, я не в этом смысле”.

“Просто мне так удобнее”.

“Спасибо, вы очень внимательны”.

Но она больше не хотела объяснять мужчине, почему её “нет” — это не приглашение уговорить.

Она допила кофе.

— Я, пожалуй, пойду.

— Уже?

— Да.

— Мне казалось, мы неплохо общаемся.

— Вам показалось.

Фраза вышла спокойной.

Павел посмотрел на неё без улыбки.

— Вы резкая.

— Бываю.

— Мужчинам это не всегда нравится.

— Я переживу.

И вдруг Вера почувствовала странную радость.

Не от свидания, конечно.

От себя.

Она больше не оправдывалась.

Не делала голос мягче, чтобы мужчина не почувствовал себя отвергнутым.

Не предлагала ему красивую версию своего “нет”.

Просто вставала и уходила.

На выходе Павел попытался коснуться её локтя.

Будто случайно.

Потом выше.

К плечу.

Вера мягко отступила.

— Не надо.

Он вскинул брови.

— Я просто хотел помочь.

— Я справлюсь.

— Вы всегда такая независимая?

Вера посмотрела на него.

И вдруг поняла: раньше этот вопрос мог её задеть.

Звучало почти как обвинение.

Как будто независимость была не силой, а женским дефектом, который нужно срочно лечить отношениями.

Теперь ей стало смешно.

— Нет, Павел. Иногда я очень нежная.

Он оживился.

— Вот как.

— Но не там, где меня пытаются сдвинуть с места после слова “нет”.

На этот раз он промолчал.

Вера вышла на улицу и выдохнула.

Воздух был обычный: машины, пыль, лето, мокрый асфальт после недавнего полива.

Но ей показалось, что она вышла не из кафе.

Из старого сценария.

Через квартал она поняла, что забыла цветы.

Белые хризантемы остались у стола.

Вера остановилась.

Секунду подумала, вернуться ли.

Потом улыбнулась и пошла дальше.

Пусть остаются там.

Некоторые букеты не стоит нести домой.

Дома она сняла босоножки, поставила чайник и написала

Алле Викторовне:

“Павел не мой вариант. Продолжать не буду”.

Ответ пришёл быстро:

“Принято. Спасибо за ясность”.

Ясность.

Да.

С каждым свиданием Вера не просто приближалась к мужчине.

Она приближалась к себе.

Она открыла блокнот и записала:

“Не каждое внимание — забота.

Не каждое касание — близость.

Не каждая мужская власть — сила.

Тело знает раньше ума.

Главное — не заставлять его молчать”.

Потом добавила ещё одну строку:

“Мужчина, который не слышит моё маленькое ‘нет’, не

услышит и моё большое ‘да’”.

Она перечитала.

И вдруг подумала о детях.

Как просто они говорят “не хочу”.

Как легко отворачиваются от игры, если она перестала быть интересной.

Как точно чувствуют, когда кто-то начинает командовать вместо того, чтобы играть вместе.

Взрослые женщины почему-то разучиваются.

Они остаются в неприятных разговорах.

Смеются, когда не смешно.

Терпят касания, которые не просили.

Берут домой букеты, от которых хочется отмыть руки.

А потом называют это воспитанностью.

Вера больше не хотела быть такой воспитанной.

Она хотела быть живой.

Телефон снова звякнул.

Алла Викторовна прислала:

“Вера, есть ещё один кандидат. Сергей. Я уже писала о нём. Думаю, всё-таки стоит встретиться. Он спокойнее. Мягче. Но не слабый”.

Вера открыла фотографию ещё раз.

Мужчина с мягким взглядом.

Без демонстрации.

Без жадности.

Без попытки занять всё пространство даже через экран.

Она посмотрела дольше.

Потом написала:

“Хорошо. Давайте”.

Отправила.

И только после этого почувствовала лёгкое волнение.

Не тревогу.

Не скуку.

Не сопротивление.

Интерес.

А это уже было что-то.

Глава 4. Мужчина, который не ломится

Сергей понравился Вере ещё по телефону.

Понравился голос.

Мягкий, низкий, неспешный.

Без мужской демонстрации.

Он говорил так, будто не собирался занимать всё пространство разговора, но и не исчезал из него.

Делал паузы.

Слышал её ответы.

Не торопился показаться интересным.

Это было необычно.

Многие мужчины уже на первом звонке стараются предъявить себя целиком: должность, развод, чувство юмора, правильные взгляды на отношения, дачу, путешествия, здоровье и “я вообще-то очень семейный человек”.

Сергей ничего не предъявлял.

Он просто разговаривал.

— Вера, добрый день. Это Сергей. Алла Викторовна дала мне ваш номер. Вам удобно говорить?

Вере понравилось уже это.

Не “я звоню познакомиться”.

Не “ну что, давайте встретимся”.

А: удобно ли ей.

— Да, удобно.

— Тогда я рад.

Она услышала, что он улыбается.

И улыбнулась сама.

Они легко договорились о встрече.

Не вечером.

Утром.

Вера вечером улетала в отпуск, поэтому предложила завтрак.

Сергей согласился с интересом.

— Свидание за завтраком? Обычно встречаются вечером.

— У нас будет утро.

— Мне нравится. В этом есть что-то честное.

— Почему?

— Утром сложнее притворяться роковым мужчиной.

Вера рассмеялась.

— А вы планировали?

— Нет. Но приятно знать, что у меня есть алиби.

Перед встречей она всё-таки отправила его фото Ольге.

Ответ пришёл почти сразу:

“Похож на тебя по характеру. Эмоционально открыт, но многое держит внутри. Агрессивной доминанты не вижу. Мягкий. Прост в общении. Но смотри: мягкость не всегда означает ясность”.

Вера перечитала дважды.

Похож на тебя.

Она не знала, хорошо это или опасно.

С похожими людьми легко узнавать себя.

И трудно прятаться.

На завтрак она пришла в светлом платье.

Не нарядном до торжественности.

Просто таком, в котором утро становится чуть красивее.

Сергей уже ждал у окна.

Когда увидел её, встал.

Не суетливо.

Не оценивающе.

Просто так, как встаёт мужчина, которому не всё равно,
что женщина вошла в пространство.

— Доброе утро, Вера.

— Доброе утро, Сергей.

Они сели.

На столе уже стояли два стакана воды.

Вера отметила это.

Незаметная мелочь.

Но мелочи часто точнее больших жестов.

— Что предпочитаешь на завтрак? — спросил он.

— Это тест?

— Нет. Просто хочу понять, что ты любишь.

Она улыбнулась.

После Дмитрия с его собеседованием и Павла с его “я отвезу”, простой вопрос про завтрак вдруг прозвучал почти

ИНТИМНО.

Что ты любишь?

Не “какая ты”.

Не “чем можешь быть полезна”.

Не “насколько подходишь”.

А что тебе хорошо.

«— Сегодня хочется чего-то лёгкого», — сказала Вера. —
Но с кофе.

— Кофе — это не обсуждается.

— Категорично.

— Есть вещи, на которых держится цивилизация.

Они рассмеялись.

И разговор пошёл легко.

Без усилия.

Москва летом.

Отпуск.

Брачное агентство.

Книги.

Работа.

Разводы без подробностей.

То странное чувство после пятидесяти, когда человек уже не хочет тратить жизнь на отношения, где приходится становиться удобной версией себя.

Сергей не перебивал.

Не спешил вставить свою историю поверх её.

Не ловил каждую паузу, чтобы рассказать о себе.

Но и не молчал так, чтобы Вере пришлось вытаскивать из него слова щипцами.

Он был рядом в разговоре.

Это оказалось редкостью.

«— Алла Викторовна сказала, что ты написала книгу», — сказал он.

Вера чуть напряглась.

— Да.

— “Королева и Банщик”. Необычное название.

— Вы уже нашли?

— Нашёл. Любопытство оказалось быстрее воспитания.

— И мы вроде на “ты”.

— Я помню. Просто привыкаю.

— А можно найти твои работы? — спросила Вера.

— Можно. Сергей Крылов.

— Что пишешь?

Он сделал серьёзное лицо.

— Басни, конечно.

Вера засмеялась.

— Конечно. Мужчина, который пишет басни, — это почти безопасно.

— Почти?

— Абсолютной безопасности не бывает.

— Согласен. Но я стараюсь, чтобы рядом со мной было спокойно. Не пресно. Не как в санатории для уставших сердец. Просто спокойно.

Вера посмотрела на него внимательнее.

В этой фразе не было попытки понравиться.

И это понравилось.

Сергей не продавал себя как мужчину мечты.

Не раскладывал перед ней достоинства, как дорогие часы на бархате.

Не торопился доказать, что он особенный, редкий, недооценённый и вообще подарок судьбы с небольшими следами прошлой упаковки.

Он говорил без нажима.

И, кажется, не боялся, что спокойствие могут перепутать со скукой.

— А если женщине нужны фейерверки? — спросила Вера.

Сергей улыбнулся.

— Тогда я, возможно, не её праздник.

Ответ был слишком хорош.

Не эффектный.

Не соблазняющий.

Без мужского соревнования за главный приз вечера.

Просто человек напротив не пытался стать событием любой ценой.

И это неожиданно делало его интереснее.

Вера вдруг подумала: вот мужчина, который не ломится.

Не в дверь.

Не в душу.

Не в тело.

Не в будущее.

Он стоит рядом с дверью и ждёт, пока её откроют.

И не выглядит при этом униженным.

Вот это было новым.

Павел ломился под видом заботы.

Дмитрий заходил с анкетой.

А Сергей как будто оставлял ей право на собственный темп.

После завтрака они вышли на улицу.

Было жарко.

Город проснулся окончательно: машины, курьеры, женщины в летних платьях, мужчины с кофе, дети на самокатах, жизнь, которая никуда не торопилась только в воображении отдыхающих.

«— Хорошего отпуска», — сказал Сергей.

— Спасибо.

— Буду ждать возвращения.

Он произнёс это просто.

Без претензии.

Без крючка.

Без “пиши мне каждый день”.

Вера почувствовала, как внутри стало мягко.

— Я буду на связи.

— Буду рад.

Он не стал её задерживать.

Не попытался продлить встречу любой ценой.

Не спросил, когда она вернётся, чтобы тут же забронировать следующий вечер.

Не устроил паузу, в которой женщина должна сама догадаться, что он хочет продолжения.

Просто легко приобнял её за плечи и поцеловал в щёку.

Коротко.

Тепло.

Без вторжения.

И именно поэтому Вере захотелось обернуться, когда она уходила.

Она не обернулась.

Не из игры.

Из удовольствия знать, что он смотрит.

Вечером она улетала к морю.

С подругами.

С двумя платьями, купальником, недописанной главой, новым блокнотом и странным ощущением, что её кто-то очень нежно ждёт.

Это было не похоже на страсть.

Пока.

Но было похоже на начало.

В такси по дороге домой Вера открыла телефон.

От Сергея уже было сообщение:

“Спасибо за утро. Оно получилось честнее вечера”.

Вера улыбнулась.

Написала:

“Утро старалась”.

Ответ пришёл быстро:

“Передай ему, что у него получилось”.

Она рассмеялась вслух.

Водитель посмотрел в зеркало, но ничего не сказал.

Вера убрала телефон и посмотрела в окно.

Москва проплывала мимо горячая, шумная, немного размытая от летнего света.

Ей не хотелось ничего ускорять.

Не хотелось придумывать, что это значит.

Не хотелось срочно рассказывать подругам: “Кажется, я встретила...”

Нет.

Пока она встретила мужчину, рядом с которым не захотелось защищаться.

Этого было достаточно.

Днем она окончательно упаковала чемодан, а вечером ужеехала в аэропорт. Вера любила приезжать заранее. Пока ждала посадку, открыла блокнот и записала:

“Иногда мужчина интересен не тем, что он делает.

А тем, чего не делает.

Не давит.

Не торопит.

Не забирает пространство.

Не требует немедленно доказать, что он важен.

Просто есть.

И почему-то от этого хочется сделать шаг ближе”.

Она поставила точку.

Потом подумала и добавила:

“Опасно”.

Потому что всё, рядом с чем не нужно защищаться, однажды может оказаться самым страшным.

Туда легче всего пустить сердце.

Глава 5. Балтика

Балтика встретила их ветром.

Не романтичным, не киношным, а настоящим — тем, который сразу портит укладку, выбивает из головы лишние мысли и объясняет телу, что оно приехало не фотографироваться.

Жить.

Вера стояла у моря вместе с Никой и Людмилой.

Три женщины.

Почти сорок лет дружбы.

Столько общих историй, что уже можно было молчать и всё равно продолжать разговор.

В прошлом году был Петербург: мосты, шампанское, красивые платья, смех до слёз и ощущение, что они снова девочки, только с деньгами, опытом и удобной обувью.

В этом году был Калининград.

И всё оказалось иначе.

Меньше смеха.

Меньше суеты.

Больше тишины.

Сначала Вера даже испугалась.

Ей показалось, что с ними что-то не так. Что дружба устала. Что прежняя лёгкость куда-то ушла.

А потом поняла: ничего не ушло.

Просто они добрались до такого уровня близости, где радость уже не нужно всё время подтверждать звуком.

Они брали велосипеды и ехали вдоль моря.

Несколько километров ветра, сосен, песка, усталых ног и счастливой бесполезности.

Потом падали в траву.

Лежали молча.

Смотрели друг на друга взглядом людей, которым уже нечего доказывать.

Людмила однажды сказала:

— Девочки, я так устала быть сильной, даже теперь и не знаю, что и делать с тем, что я на планировала.

Ника повернула к ней голову:

— Озвучь. Мы торжественно похороним твои планы.

Вера засмеялась.

Людмила достала из сумки сложенный лист.

— У меня там музеи, прогулки, три ресторана, рынок, экскурсия и один день “ничего не делать”.

Ника забрала лист, посмотрела и сказала:

— День “ничего не делать” оставляем. Остальное — по настроению тела.

— Моего или твоего?

— Общего. У нас теперь женский консилиум телесности.

Они смеялись долго.

Потом действительно ничего не делали.

Лежали в траве.

Ели черешню.

Пили кофе из бумажных стаканчиков.

Смотрели на море.

Иногда говорили о мужчинах.

Не так, как раньше.

Без охоты за диагнозами.

Без “он козёл” и “сама виновата”.

Скорее с усталой нежностью к себе.

«— Я поняла», — сказала Ника однажды вечером, кутаясь в плед на террасе, — что после развода хотела не мужчину. Я хотела, чтобы кто-то подтвердил: меня ещё можно выбрать.

Людмила кивнула.

— А я хотела, чтобы меня наконец никто не трогал.

— И как? — спросила Вера.

— Никто не трогал. Потом стало обидно.

Они рассмеялись.

Вера смотрела на них и чувствовала: эта поездка была не про развлечения.

Она была про тело.

Про замедление.

Про доверие.

Про женскую близость, в которой можно быть красивой, опухшей после сна, раздражённой, смешной, голодной, молчаливой, в купальнике, без макияжа, с морщинами, в радости, в тоске — и всё равно любимой.

Иногда женщине нужен не мужчина, чтобы вспомнить себя.

Иногда нужны подруги, море и возможность лежать на песке без цели.

Сергей писал каждый день.

Не навязчиво.

Не требовательно.

Как будто оставлял маленькие камешки на дороге:

я здесь.

я помню.

я не тороплю.

я жду.

Одним утром, когда Вера сидела на балконе с кофе, пришло стихотворение:

“Утренний бриз

Наполняет надеждой...”

Она прочитала до конца и улыбнулась.

Стихи были немного неровные.

Слишком искренние для литературного конкурса.

Но в них было то, что Вера ценила больше техники: мужчина старался говорить с ней на её языке.

Она ответила не сразу.

Сначала пошла к морю.

Ветер трепал волосы, ноги проваливались в песок, чайки кричали так, будто тоже переживали начало чего-то нового.

Вера остановилась у воды и вдруг почувствовала: с Сергеем не хочется падать в омут.

Не потому что он не манил.

А потому что тело впервые не хотело проверять любовь глубиной дна.

Она написала ему:

“Как осторожно идёшь ты вдоль края,

Слов подбирая осенний букет...”

Стихотворение вышло само.

Ника, увидев её лицо, прищурилась.

— Пишешь мужчине?

— Возможно.

— Хорошему?

Вера посмотрела на море.

— Пока спокойному.

— Это пугает?

— Очень.

— Значит, полезно.

Людмила принесла три стаканчика кофе.

— Что обсуждаем?

«— Мужчину, который не ломится», — сказала Ника.

— Подозрительно, — сказала Людмила.

— Да, — кивнула Ника. — Но перспективно.

Вера рассмеялась.

И в этот момент ей стало по-настоящему хорошо.

Не потому что впереди был Сергей.

А потому что впереди была она сама.

Женщина, которая больше не хотела жить только через усилие.

Утром они поехали к морю на велосипедах.

Ветер бил в лицо, волосы летели куда хотели, песок скрипел на зубах после булочки с корицей, Ника ругалась на подъём, Людмила торжественно обещала “больше никогда не соглашаться на спортивный отдых с психологами”.

Вера смеялась так, что у неё болели щёки.

На пляже они сняли обувь.

Песок был прохладный.

Море шумело, будто знало что-то важное, но не собиралось объяснять словами.

— Девочки, — сказала Людмила, глядя на воду, — а мы вообще нормальные?

— Нет, — ответила Ника.

— Слава богу, — сказала Вера.

Они снова засмеялись.

Потом замолчали.

Три женщины стояли у воды.

У каждой за спиной было достаточно потерь, чтобы стать осторожной.

И достаточно жизни, чтобы всё равно хотеть радости.

Вера вдруг вспомнила детей.

Как они играют на берегу.

Строят крепость из песка, хотя море всё равно её смывает.
Кричат, что это замок, дворец, секретная база, остров сокровищ.

Они не говорят:

“Зачем строить, если волна разрушит?”

Они строят.

Потому что сейчас им важно строить.

Потому что глаза горят.

Потому что руки в песке.

Потому что жизнь происходит не потом, когда всё будет надёжно.

А сейчас.

Вера посмотрела на свои ладони.

Может быть, взрослые слишком часто отказываются от игры именно потому, что знают: всё временно.

А дети играют именно поэтому.

Пока есть песок.

Пока есть вода.

Пока есть руки.

Пока есть желание.

Телефон завибрировал в кармане.

Сергей.

“Как там море?”

Вера сфотографировала воду.

Потом себя, часть себя.

Не потому что пряталась.

Просто хотела, чтобы он увидел не её лицо, а то, что сейчас видит она.

Отправила.

Через минуту пришёл ответ:

“Красиво. Но теперь я ревную к морю”.

Вера улыбнулась.

“Море держится достойно. Сопротивление бесполезно”.

“Тогда у нас похожая стратегия”.

“Посмотрим, кто выдержит дольше”.

“Я терпеливый”.

“Опасное качество”.

“Почему?”

“Терпеливые мужчины умеют ждать так, что женщине самой хочется вернуться”.

Он не ответил сразу.

Потом написал:

“Тогда буду осторожен. Не хочу, чтобы ты возвращалась из-за моей стратегии. Хочу, чтобы захотела”.

Вера долго смотрела на сообщение.

Вот опять.

Он оставлял ей выбор.

Не словами даже.

Своим способом быть.

И где-то внутри у неё расправлялось что-то тонкое, забытое.

Не крылья ещё.

Скорее лопатки вспоминали, что когда-то крылья там могли быть.

Вечером подруги сидели на террасе.

Пили вино.

Молчали.

Потом Ника спросила:

— Ты боишься?

Вера поняла сразу.

— Да.

— Чего?

— Что он окажется хорошим.

Людмила удивлённо подняла брови.

— Обычно боятся обратного.

«— Плохой мужчина понятнее», — сказала Вера. — От плохого можно уйти с чувством правоты. А хороший может стать близким. И вот тогда уже страшно.

Ника кивнула.

— Потому что, если близкий ранит, это не про него только. Это по старым местам обоих.

Вера посмотрела на море.

Там темнело.

Ветер стихал.

Город за спиной зажигал огни.

«— Я не хочу заранее защищаться», — сказала она.

— И не надо.

— Но я уже чувствую, как внутри поднимается охрана.

«— Пусть стоит у ворот», — сказала Ника. — Только не давай ей руководить праздником.

Вера улыбнулась.

Хорошая фраза.

Пусть охрана стоит у ворот.

Но праздник всё-таки будет.

В последнюю ночь перед возвращением в Москву Вера долго не могла уснуть.

Подруги уже спали.

За окном шумело море.

Она открыла блокнот и написала:

“Я не знаю, что будет с Сергеем.

Но я знаю, что не хочу больше жить в обороне.

Я могу быть осторожной.

Но не мёртвой.

Я могу смотреть.

Но не прятаться.

Я могу бояться.

И всё равно идти”.

Она подумала и добавила:

“Игра начинается там, где страх уже есть, но он больше не главный”.

Наутро они уезжали.

Балтика провожала ветром.

Таким же наглым, как встретила.

Вера стояла на берегу с подругами рядом и чувствовала,

что возвращается не совсем той, какой приехала.

Не из-за Сергея.

Из-за моря.

Из-за подруг.

Из-за смеха.

Из-за тела, которое снова вспомнило вкус бесполезной радости.

Телефон звякнул.

Сергей написал:

“Хорошей дороги. Возвращайся в своём темпе”.

Вера перечитала.

Улыбнулась.

И впервые позволила себе ответить без осторожности:

“Подумаю об этом завтра”.

Сообщение ушло.

Через несколько секунд пришло:

“Буду ждать наше завтра”.

Вера убрала телефон.

Море шумело за спиной.

Впереди была Москва.

И мужчина с ромашками, о которых она пока ещё не знала.

Глава 6. Мужчина, который ждал

Утром перед вылетом Вера проснулась раньше будильника.

За окном ещё было серо.

Балтика шумела где-то рядом, но уже не как приглашение остаться, а как прощание.

Чемодан стоял у двери.

На спинке стула висела соломенная шляпа.

В телефоне мигало сообщение от Сергея.

“Доброе утро. Я встречу тебя в аэропорту”.

Вера села на кровати.

Перечитала.

Потом ещё раз.

Не “если хочешь”.

Не “может быть, увидимся”.

Не “напиши, когда прилетишь”.

А просто:

“Я встречу тебя”.

В этом не было давления.

Но был шаг.

Мужской.

Спокойный.

Уверенный.

И почему-то от этого стало очень тепло.

Вера улыбнулась в полутёмной комнате.

Ответила:

“Неожиданно”.

Через минуту пришло:

“Приятно или нагло?”

Она посмотрела на экран и рассмеялась.

“Приятно. Но я пока наблюдаю”.

“Наблюдай. Я буду с ромашками. Это снижает уровень подозрительности”.

Вера отложила телефон и вдруг почувствовала, как внутри поднимается волнение.

Не тревожное.

Живое.

Мужчина хотел её встретить.

Не когда-нибудь.

Не после согласований.

Не если совпадёт.

Он уже решил быть там.

И это было приятно.

Очень.

Подруги собирались шумно.

Ника искала зарядку, которая, по её словам, “сама ушла от неё после тяжёлых отношений”.

Людмила пыталась закрыть чемодан и возмущалась:

— Я ничего не купила. Почему он стал тяжелее?

«— Потому что ты везёшь просветление», — сказала Ни-

ка. — Оно плотное.

— Тогда пусть просветление летит багажом отдельно.

Вера смеялась, складывая косметичку.

Они летели вместе только до Москвы.

У подруг была пересадка дальше — в Сибирь.

«— Ты у нас остаёшься в Москве с мужчиной», — сказала

Ника, застёгивая сумку.

— Пока просто с ромашками, — ответила Вера.

«— Ромашки — это уже серьёзно», — сказала Людмила.

— Мужчина, который встречает женщину с ромашками, либо хороший, либо очень хитрый.

— Спасибо, успокоила.

— Я за реализм.

В аэропорту Калининграда они пили кофе из бумажных стаканчиков, ели круассаны и делали вид, что не грустят.

Вера смотрела на подруг и вдруг почувствовала, как сильно любит их.

Этих женщин, с которыми можно молчать у моря, смеяться над чемоданом, обсуждать мужские травмы, отёки, плакать, одиночество, секс, бессмысленные планы и смысл жизни — иногда в одном предложении.

«— Ну что», — сказала Ника, заходя на посадку — возвращаемся красиво.

— Это как?

— Не теряем голову раньше времени.

— Поздно предупреждаешь.

Людмила обняла Веру крепко.

— Если что — звони. Мы хоть в Сибири, хоть на Луне, но морально всегда с топором.

— Очень женственно.

— Зато эффективно.

Они продолжали смеяться весь полет до Москвы, хоть и понимали, что снова расстанутся надолго.

В Москве всё случилось быстро.

Вышли из самолёта, забрали багаж, и подружки почти сразу умчались на пересадку.

— Всё, мы побежали! — крикнула Ника, обнимая Веру на ходу.

— Не влюбляйся без свидетелей! — добавила Людмила.

— Поздно! — крикнула Вера им вслед.

Они скрылись в потоке пассажиров — с чемоданами, сумками, кофе, шарфами и своей неубиваемой женской энергией.

Вера осталась одна.

Посреди аэропорта.

С чемоданом.

С соломенной шляпой в руке.

С усталым счастьем после моря.

И с внезапным знанием: её сейчас ждут.

Это было странное чувство.

После поездки обычно возвращаешься в город как в задачу.

Такси.

Пробки.

Дом.

Сумки.

Разбор вещей.

Стирка.

Холодильник.

Почта.

Но сегодня между ней и обычной жизнью стоял мужчина.

Не громко.

Не торжественно.

Просто стоял и ждал.

Вера вышла в общий зал.

Сначала увидела людей.

Встречающих с шарами.

Таксистов с табличками.

Женщину с ребёнком.

Мужчину в деловом костюме, который смотрел в телефон

так, будто от этого зависела судьба страны.

Потом увидела Сергея.

Он стоял чуть в стороне от толпы.

Не махал руками.

Не суетился.

Не пытался выглядеть героем мелодрамы, который сейчас заберёт женщину из отпуска и немедленно начнёт новую жизнь.

Просто стоял и смотрел на неё.

В руках у него были ромашки.

Не огромный букет с дизайнерской упаковкой.

Не розы, от которых сразу становится неловко из-за количества смысла.

А ромашки.

Нежные.

Светлые.

Немного смешные.

И совершенно искренние.

Вера увидела его и вдруг испугалась.

Не Сергея.

Себя.

Того, как быстро внутри стало тепло.

Как тело узнало его раньше, чем она успела подумать.

Как захотелось улыбнуться не вежливо, не красиво, не “как женщина на встрече”, а просто — по-настоящему.

Она шла к нему через зал прилёта и чувствовала, как поднимается старая тревога.

Так уже было.

Когда хорошо — потом больно.

Когда мужчина нежный — потом может оказаться слабым.

Когда встречаются с цветами — потом могут попросить расплатиться ожиданием, терпением или удобством.

Когда всё слишком правильно начинается — жизнь ино-

гда любит проверить, сколько в женщине ещё доверия.

Сергей сделал шаг навстречу и поцеловал.

— С возвращением, Вера.

Голос был спокойный.

И от этого стало ещё страшнее.

Она посмотрела на ромашки.

— Это мне?

— Нет, — сказал он серьёзно. — Я просто хожу по аэропортам с ромашками. Женщины нервничают меньше.

Вера рассмеялась.

Тревога чуть отпустила.

— Тогда метод работает.

— Хорошо. Я волновался за метод.

Он протянул ей букет.

Она взяла.

Ромашки пахли летом, травой и чем-то до смешного честным.

Вера вдруг подумала, что розы можно подарить по сценарию.

Ромашки — только если действительно хочется.

— Ты устала? — спросил Сергей.

— Счастливо.

— Это отдельный вид усталости?

— Да. Самый приятный.

— Тогда я отвезу тебя домой. Без планов, без разговоров “куда дальше”, без попытки украсть вечер у твоего чемодана.

Вера посмотрела на него.

Вот опять.

Он оставлял ей место.

Не требовал радости.

Не забирал её отпуск себе.

Не превращал встречу в доказательство своей значимости.

Просто приехал.

С ромашками.

И готов был отвезти домой.

— Хорошо, — сказала она. — Только чемодан тяжёлый.

— Чемоданы женщин после моря всегда тяжелее. Там песок, платья и новая версия личности.

— Опытный?

— Наблюдательный.

Он взял чемодан.

Не выхватил.

Не сделал жест “дай, женщина, я мужчина”.

Просто взял тогда, когда она позволила.

В машине они говорили мало.

За окном тянулась дорога из аэропорта: светофоры, машины, летний день, город, который постепенно возвращал её в реальность.

Ромашки лежали у Веры на коленях.

Сергей вёл спокойно, иногда смотрел на неё и улыбался.

— Что? — спросила она.

— Ты другая.

— После моря?

— После последней встречи.

Вера отвернулась к окну.

Слишком точно.

— Опасная фраза, Сергей.

— Могу заменить.

— На какую?

— Ты загорела.

Она рассмеялась.

— Вот так безопаснее.

— Но менее честно.

Они доехали до её дома.

Сергей достал чемодан, проводил до подъезда и не стал напрашиваться наверх.

Не сказал: “Может, чаю?”

Не сделал паузу, в которую женщина должна сама догадаться пригласить.

Не посмотрел так, будто его забота требует продолжения.

Он просто поставил чемодан рядом с ней.

— Отдыхай. Напиши, когда выдохнешь.

— Я уже почти дома.

— Почти — это ещё не выдохнула.

Вера улыбнулась.

И вдруг ей захотелось коснуться его.

Просто положить ладонь ему на руку.

Она так и сделала.

На секунду.

Сергей посмотрел на её ладонь.

Потом на неё.

Ничего не сказал.

Только легко приобнял и поцеловал в щёку.

И именно это было правильно.

Иногда молчание — лучший способ не спугнуть новое.

Вера вошла в квартиру, поставила чемодан у двери и несколько минут просто стояла в тишине.

Дом был прежним.

Но она — нет.

На кухне она поставила ромашки в любимую вазу.

Они сразу сделали комнату моложе, будто в ней открыли окно, даже не трогая раму.

Телефон мигнул.

Сергей написал:

“Не буду спрашивать, когда увидимся. Но буду рад, когда ты скажешь”.

Вера перечитала сообщение.

Ни давления.

Ни обиды.

Ни проверки.

Ни демонстративного равнодушия.

Он снова просто оставил ей место.

Это было непривычно.

Мужчины часто либо требуют, либо исчезают, чтобы их догоняли.

Сергей ждал иначе.

Не как человек, который терпит.

А как человек, который уважает дорогу другого.

Она написала:

“Я дома. Усталая, солёная, счастливая. Увидимся завтра”.

Ответ пришёл быстро:

“Да. Я заметил. Жду наше завтра”.

Вера улыбнулась.

Простая фраза.

Без украшений.

Но в ней было тепло.

На следующий день они встретились в парке.

Не свидание даже.

Прогулка.

Сергей принёс кофе в двух стаканчиках и маленький пакет с черешней.

— Это что?

— Попытка продлить твою Балтику московскими средствами.

— У Балтики был ветер.

— Ветер не взял. На контроле аэропорта возникли бы вопросы.

Они шли по аллее.

Вера рассказывала о подругах, велосипедах, море, Люд-

миле, которая похоронила список дел, и Нике, которая предложила оставить только день “ничего не делать”.

Сергей слушал внимательно.

Не так, как слушают мужчины, ожидающие своей очереди говорить.

А так, будто из её рассказа ему правда важно понять, где она была счастлива.

«— У тебя глаза сейчас другие», — сказал он.

— Какие?

— Отдохнувшие. И опасные.

— Почему опасные?

— Потому что женщина, которая хорошо отдохнула, хуже соглашается на ерунду.

Вера остановилась и посмотрела на него.

— Сергей, это почти комплимент.

— Я старался.

— Продолжай.

— Хорошо. Женщина, которая хорошо отдохнула, помнит, что ей можно.

Она замолчала.

Фраза попала.

Мягко.

Но точно.

— Мне можно, — повторила Вера.

— Да.

— А если я забуду?

— Тогда, возможно, рядом должен быть кто-то, кто на-
помнит.

Она не ответила.

Иногда у человека получалось сказать так бережно, что становилось невозможно защищаться.

Вера смотрела на дорожку.

На свои босоножки.

На тень от деревьев.

На стакан кофе в руке.

И думала: как странно.

Она столько лет учила людей слышать себя, выбирать се-
бя, не растворяться в другом.

А теперь рядом с этим мужчиной ей самой приходилось
заново учиться не путать тепло с опасностью.

Они сели на лавочку.

Рядом дети играли в магазин.

Девочка лет пяти выкладывала на скамейку листья и ка-
мешки.

— У меня клубника, картошка и драгоценности, — объ-
явила она.

Мальчик серьёзно протянул ей палочку:

— А у меня карта.

— Карта не деньги.

— Это волшебная карта.

— Тогда три драгоценности.

Сергей наблюдал и улыбался.

— Жёсткий рынок.

«— Зато честный», — сказала Вера. — В игре всегда быстро видно, кто торгуется, кто фантазирует, а кто хочет власть.

— Профессиональная деформация?

— Бывшая профессия не бывает бывшей.

— Ты работала с детьми?

— Да. Игровым терапевтом. Давно.

— И как?

Вера посмотрела на детей.

— Дети через игру говорят правду, которую не могут сказать словами.

— А взрослые?

— Взрослые тоже. Просто чаще делают вид, что не играют.

Сергей повернулся к ней.

— А ты?

— Что я?

— Ты играешь?

Вера улыбнулась.

— Я учусь снова.

— У кого?

Она кивнула на детей.

— У тех, кто ещё не испортил это слово.

Сергей ничего не сказал.

Только смотрел на неё чуть дольше обычного.

В этом взгляде было любопытство.

И что-то ещё.

То, чего Вера пока не хотела называть.

Вечером, когда он проводил её до дома, они остановились у подъезда.

На этот раз пауза была другой.

Не неловкой.

Живой.

«— Спасибо за прогулку», — сказала Вера.

— Спасибо, что вернулась.

— Из отпуска?

— Не только.

Она подняла глаза.

Сергей стоял близко.

Не слишком.

Но достаточно, чтобы воздух между ними стал гуще.

— Можно? — спросил он.

Не уточнил что.

И ей не нужно было уточнять.

— Можно.

Он поцеловал её.

Очень легко.

В губы.

Коротко.

Без попытки продолжить.

И именно поэтому поцелуй остался с ней дольше, чем

многие более смелые.

Вера вошла домой, прислонилась спиной к двери и закрыла глаза.

Тело улыбалось раньше лица.

Она прошла на кухню.

Ромашки стояли в вазе.

Одна ромашка наклонилась чуть в сторону, будто подслушивала.

Вера рассмеялась.

Потом открыла блокнот и написала:

“Мужчина, который ждёт, опасен не меньше мужчины, который берёт.

Только опасность другая.

Он не ломает дверь.

Он делает так, что ты сама хочешь открыть”.

Она посмотрела на фразу.

Потом добавила:

“Главное — не забыть, что ключ всё равно у меня”.

И впервые за долгое время ей стало интересно, что будет завтра.

Глава 7. Ужин над городом

На следующий день Сергей написал ближе к обеду:

“Вера, сегодня вечером у нас будет сюрприз. Заеду за тобой в семь”.

Вера улыбнулась.

Сюрпризы она любила.

Не любые, конечно. Не те, где женщину ставят перед фактом и заставляют радоваться чужому сценарию. А настоящие — когда кто-то заранее думает о тебе, ловит твой вкус, представляет твою улыбку и оставляет внутри вечера место для чуда.

Через несколько минут пришло ещё одно сообщение:

“Хочу попасть в твой вкус. Рыба или мясо?”

“Рыба”.

“Белое вино или игристое?”

“Белое. Сухое. Не слишком кислое”.

“Запомнил”.

Она положила телефон и поймала себя на том, что улыбается уже не сообщению, а предвкушению.

К семи она была готова: светлое платье, открытая шея, тонкий аромат на запястьях. В зеркале отражалась женщина, которая не старается понравиться любой ценой, а идёт получать удовольствие.

Сергей встретил её у подъезда.

«— Ты очень красивая», — сказал он.

Не громко, не жадно. Просто заметил.

— Спасибо. Я старалась.

— Я тоже.

— Расскажешь, куда мы едем?

— Нет.

— Совсем?

— Иначе какой же это сюрприз?

— Опасный мужчина.

— Опасность умеренная. Я проверил.

— Кто проверил?

— Я сам. Но я заинтересованное лицо.

Вера рассмеялась, и они поехали.

Она ожидала ресторан. Может быть, красивую веранду или камерное место с белыми скатертями, где официанты говорят шёпотом, а мужчины делают вид, что случайно выбрали лучший столик.

Но Сергей свернул в старый переулок в центре Москвы, потом ещё в один и остановился у особняка с тёмными окнами, тяжёлой дверью и почти незаметной табличкой у входа.

Никакой вывески. Никакой музыки. Никакого ресторана.

Вера посмотрела на здание, потом на Сергея.

— Сергей, если сейчас начнётся квест “найди выход из подвала”, я предупреждаю: я плохо бегаю на каблуках.

Он улыбнулся.

— Подвала не будет.

— Уже легче.

— Но лестница будет.

— Ты заманиваешь женщину в старый особняк без вывески и называешь это сюрпризом?

— Да. Надеюсь, через три минуты — это будет считаться не вызовом, а вкусом.

Он открыл дверь. Внутри их встретил пожилой администратор в тёмном костюме, будто вышедший не из ресторана, а из старой московской легенды.

— Добрый вечер, Сергей Андреевич. Всё готово.

Вера подняла брови.

— Сергей Андреевич?

— Не начинай.

— Поздно.

Они прошли через узкий холл с высокими потолками, старой плиткой, зеркалом в потёртой раме и запахом дерева, пыли и дорогого воска. Потом поднялись по лестнице. На втором этаже было тихо, на третьем горел приглушённый свет, а на четвёртом Сергей остановился перед неприметной дверью.

— Готова?

— Уже очень.

Он открыл дверь.

За ней оказалась крыша.

Тихая терраса над вечерней Москвой. Город лежал внизу — окна, купола, фары, мягкий летний воздух. На террасе

стоял один-единственный стол: белая скатерть, низкая ваза с живыми цветами, два бокала, свечи в стеклянных фонарях, пледы на креслах.

И никакой публики вокруг.

Только они, небо и город.

Вера остановилась на пороге.

Сюрприз оказался не местом. Сюрприз оказался тем, что кто-то заранее представил ей радость: не переложил на неё выбор, не купил банальную роскошь, а придумал вечер для неё.

— Сергей...

— Что?

Она посмотрела на стол, потом на город и только после этого — на него.

— Я не знала, что будет так.

— Тогда сюрприз удался?

Вера не сразу ответила. Горло почему-то сжалось.

— Да.

Сергей не стал торжествовать. Просто помог ей снять лёгкую накидку и отодвинул кресло.

Позже принесли рыбу с травами и лимоном, овощи, тёплый хлеб и вино ровно такое, как она любила: сухое, мягкое, без резкой кислоты.

Вера села и несколько секунд молчала.

— Что? — спросил Сергей.

— Хорошее ничего. Просто я пытаюсь привыкнуть к мыс-

ли, что это сделали для меня.

Сергей налил ей немного вина, себе — столько же.

— Мне хотелось, чтобы у тебя был красивый вечер. Без причины.

— Без причины редко бывает.

— Тогда причина есть.

— Какая?

— Ты вернулась.

Вера опустила взгляд.

Иногда простые слова были опаснее длинных признаний.

Город внизу шумел, как чужая жизнь, а здесь, наверху, время стало тише. Ветер касался плеч, свет ложился на лицо Сергея, и Вера вдруг почувствовала нежность, от которой не хочется защищаться.

И именно поэтому становится страшно.

«— Ты опять тихая», — сказал Сергей.

— Я привыкаю.

— К чему?

— К тому, что мужчина может не только красиво говорить.

Он усмехнулся.

— Это был упрёк мужскому полу?

— Наблюдение.

— А ко мне?

— Пока нет.

— Уже легче.

Они рассмеялись.

Вечер пошёл мягко. Они вспоминали о море, о её подружках, о книгах, о смешных странностях возраста, когда уже хочется любви, но совсем не хочется терять покой.

— Тебе сложно принимать заботу? — спросил он вдруг.

Вера посмотрела на него.

— Очень.

— Почему?

— Потому что где-то внутри я всё ещё жду счёт.

Сергей кивнул.

— Я не хочу, чтобы ты расплачивалась за этот вечер.

— Даже благодарностью?

— Благодарность приятна. Но не обязательна.

— Опасно говоришь.

— Почему?

— Потому что тогда женщине может захотеться самой.

Сергей посмотрел на неё спокойно, и в этом спокойствии впервые за вечер появилось что-то горячее.

«— Вот это мне уже интересно», — сказал он.

Вера улыбнулась.

Игра возникла сама — не как роль и не как сценарий, а как воздух между двумя людьми, которые уже достаточно близко, чтобы шутить о серьёзном.

После ужина они долго стояли у края крыши. Москва светила вниз: окна, фары, купола, летний воздух, чужие вечера.

Сергей стоял рядом. Его рука легко коснулась её пальцев, и Вера сама переплела их.

Он повернулся к ней чуть ближе.

«— Я хочу тебя целовать», — сказал он тихо.

У Веры дрогнуло дыхание.

Он становился смелее, прямее — не теряя уважения, но уже не пряча желание за осторожность.

— Тогда целуй.

Сергей поцеловал её не резко и не жадно, но увереннее, чем раньше. В этом поцелуе было всё, что собиралось между ними за вечер: крыша, вино, город, его забота, её смех и её страх принять хорошее.

Когда он отстранился, Вера не сразу открыла глаза.

— Поедем ко мне? — спросил он тихо.

Она повернулась к нему.

— Поедем.

Он больше ничего не уточнял. Просто поднёс её руку к губам и поцеловал пальцы.

У него дома было тепло и спокойно: книги, чашки, плед на кресле, недочитанная рукопись на столе и лёгкий запах дерева.

Вера вошла и почувствовала: здесь живут.

Сергей закрыл дверь, подошёл сзади и снял с её плеч лёгкую накидку. Не спрашивая. Уже не спрашивая. Потому что между ними всё уже было сказано — взглядом на крыше, её “поедем”, её рукой в его ладони.

Он коснулся губами её шеи.

Вера закрыла глаза.

Его руки легли ей на талию — уверенно, тепло, без спешки. Он не торопил её, но и не отступал. В его движениях появилась сила мужчины, который наконец перестал бояться собственного желания.

Она развернулась к нему сама.

И поцеловала первой.

Сергей ответил сразу — глубже, горячее, чем на крыше. Он прижал её к себе, и Вера почувствовала, как исчезает расстояние, которое они оба так бережно сохраняли все эти дни.

Платье скользнуло с плеч.

Туфли остались где-то у кресла.

Свет из окна падал на пол, на его руки, на её волосы, на их отражение в тёмном стекле.

Вера не играла женщину, которая хочет.

Она хотела.

По-настоящему.

Без внутреннего договора с собой, без “так правильно”, без “пора”, без благодарности за красивый вечер. Желание поднималось изнутри — мягкое, горячее, взрослое, спокойное и сильное одновременно.

Сергей целовал её плечи, ключицы, грудь, живот — медленно, как будто запоминал дорогу к ней не телом, а всем собой.

И чем меньше он говорил, тем яснее становился.

Он был здесь.

С ней.

В ней ещё до того, как коснулся глубже.

Когда они оказались в спальне, Вера на мгновение испугалась собственной открытости. Не тела. Не мужчины. А того, что больше не хотелось прятаться.

Сергей заметил.

Накрыл её ладонь своей.

Не спросил.

Просто замедлился.

И этого оказалось достаточно.

Вера потянула его к себе.

Он вошёл в неё не как победитель и не как человек, которому что-то разрешили.

Он вошёл так, будто наконец нашёл дверь, к которой долго шёл в темноте.

Медленно.

Тепло.

Глубоко.

Вера задержала дыхание.

Первое мгновение было почти пугающим — не болью, не неловкостью, а силой присутствия. Она вдруг почувствовала мужчину не снаружи, не рядом, не в словах, не в заботе, не в красивом ужине, а внутри своего тела.

Так близко, что уже нельзя было спрятаться за ум, иронию, опыт, возраст, профессию.

Нельзя было быть психологом.

Нельзя было быть сильной женщиной.

Нельзя было быть той, которая всё контролирует.

Можно было только быть.

Женщиной.

Живой.

Открытой.

Его движение было медленным, почти осторожным, но в этой осторожности уже не было робости. Он слушал её дыхание, её пальцы на своей спине, её тихий выдох, когда напряжение сменилось принятием.

Вера вдруг поняла, что чувствовать мужчину — это не только про тело.

Это про доверие к тому, что тебя не берут силой и не просят исчезнуть.

Это про то, что можно впустить и остаться собой.

Каждое его движение будто отвечало на вопрос, который она не произносила: “Я здесь. Я с тобой. Я чувствую тебя”.

И тело отвечало.

Сначала осторожно.

Потом смелее.

Потом уже без слов.

Вера двигалась навстречу, и это было новое чувство — не отдавать себя, не уступать, не быть выбранной, а выбирать самой в каждом вдохе, в каждом изгибе, в каждом касании.

Она чувствовала его вес, тепло, дыхание у виска, напря-

жение его плеч, дрожь в его руках, когда он сдерживался, чтобы не разрушить эту медленную глубину.

И от этого хотелось сильнее.

Не резче.

Именно сильнее.

Глубже.

Честнее.

Без игры в недоступность.

Без игры в опытность.

Без игры вообще.

Только они.

И когда волна наконец поднялась и накрыла её — не вспышкой, а тёплым, глубоким разливом по всему телу, — Вера вцепилась пальцами в его плечи и впервые за долгое время не испугалась собственной силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.